

Георгий Адамович

Кафедра соцреализма

«КРАСНАЯ ГАЗЕТА» восхищает- ся частушками Сергея Городец-кого.

«Хороши, звонкоголосы, метко-ядовиты песни Городецкого. Каждый образ полновесен, как червонец. Каждый стих отточен, как стрела!»

Затем идет цитата:
Нынче праздник невеселый,
Плачут поп и пономарь.
Церковь отдели под школу,
Колокольню под фонарь.

7.2.1926

«Ах, Александр Сергеевич Пушкин
Я думал
Мы тебя взрослей
Но нет
Все так же ты наш лучший
Из всех учителей.
Случайно перечел поэмы
И сознаюсь готов опять
И в наше боевое время
Тебе упрямо подражать...»

Так кается во вступлении к своей поэме «Шпана» молодой пролетарский поэт Евг. Панфилов. Что ж, лучше поздно, чем никогда!

14.2.1926

В «ПЕЧАТИ И РЕВОЛЮЦИИ» пол- ланкижи занято полемикой между г. Полонским и Лелевичем, двумя столпами советской критики. Сначала Полонский написал о Лелевиче, что тот ничего в литературе не понимает и «мыслит не по-марксистски». Лелевич обиделся и ответил Полонскому презвительно. Но Полонский — редактор журнала, и последнее слово осталось все-таки за ним.

Перебранка эта производит остро-комическое впечатление. Оба критика схожи между собой, как Бобчинский с Добчинским. О чем и зачем им спорить?

Вот пример: Лелевич написал об Ахматовой: «Она объята жаждой любовных увлечений, которые рождаются в пестрой сетке гамака во время сладостного безделья» и сделал вывод, что эти чувства могут возникнуть «только на почве отрыва от производительного труда и общественной работы».

Полонский волнуется. Как, значит, Лелевич отрицает любовь, это «разумное влечение организма»? Значит, он проповедует аскетизм, чутли не толстовское «воздержание»?

Тогда, в свою очередь, возмущился Лелевич: «Я, тов. Полонский, не особенно страстный поклонник аскетизма. Я не против жажды любовных увлечений. Отчего же, в свободное от занятий время, даже и в советской общественности... Но ведь Ахматова помешана на эротике!»

И так далее, в том же роде.

28.3.1926

В «НИКИТИНСКИХ сборниках» поэт и министр А. Луначарский печатает огромную поэму «Концерт». Содержащие поэмы крайне глубокомысленно и сложно. Все вопросы бытия в ней разрешены. Поэма написана вольным стихом. Изредка — очевидно, для «настроения» — введены повторяющиеся строфы. Так, в первой песне поэмы, где описывается «Космос», введены следу-

ющие космические куплеты:

Слышите?
То слышен вальс миров.
Вальс, вальс, вальс,
Это напевность вселенной.
Вальс, вальс, вальс,
Голос любви и движенья:
Кружится все в упоеньи,
Не сознавая полно.
Вальс, вальс, вальс!
О, круговое движенье.
Пляска любви и вино
Светлых сынов мирозданья!
Счастье дошло до рыданья!
Вальс, вальс, вальс!

Хорошо, не правда ли? Дальше изображен человек, взвешивающий на мизантропии:

Разумных дальняя семья взирала
Сквозь телескопы
Было ли им жаль?
Но жизнь и смерть свои

калейдоскопы

Казала им.
Мудрейшие, вздохнув, сказали:
«Мир — мним»
И головою покачали...
И вот, наконец, заключительный

гимн:

Обнимитесь, миллионы!
Бейтесь вместе все сердца.
Равны все мужи и жены,
В каждом чтите вы творца.
Ибо жизнь мы все прияли,
В мире «Я» себя нашло,
В людях звезды засияли
И клубясь, издохло зло!

Жаль, что нельзя перепечатать всю поэму в качестве «маленького фельетона».

6.6.1926

МАЯКОВСКИЙ собирается выпустить вскоре руководство «Как делать стихи?» и уже печатает в советских газетах кое-какие отрывки из этой книги. Конечно, до Маяковского никто ничего в стихосложении не понимал. Писали чушь и вздор. Только Маяковский открыл, что для поэтического творчества необходимы пять условий. Условия таковы:

1. Социальный заказ. Наличие мысли в обществе, разрешение которой мыслимо только поэтическим произведением.

2. Точное знание или, вернее, ощущение желаний вашего класса (или группы, которую вы представляете), т. е. целевая установка.

3. Материал. Слова, постоянное наполнение хранилищ, сараев вашего черепа нужными, выразительными, редкими, изобретенными, обновленными, произведенными и всякими другими словами.

4. Оборудование предприятия и орудия производства. Перо, карандаш, пишущая машинка, телефон, костюм для посещения ночлежки, велосипед для езды в редакцию, сорганизованный стол, зонтик для писания под дождем, жилплощадь для определенного количества шагов, которые нужно делать для работы, связь с бюро вырезок и т. п. и т. п. и даже трубка и папиросы.

5. Навыки и приемы обработки слов.

В соответствии с этими условиями Маяковский считает, что «лучшим поэтическим произведением будет то, которое написано по социальному заказу, имеющее целью установку на победу пролетариата, переданное новыми словами выразительными и понятными всем, сработанное на

«КАКАЯ ТАКАЯ ЭТА «МАРКСИЦКАЯ» ПРИЧЕСКА...»

Советская литература глазами русского эмигранта

Независимая газ. 1933. 6 апр. — с. 5.

Г. В. Агамович, 1921 г.

столе, оборудованном по НОТУ (?), и доставленное в редакцию на аэроплане».

Вот новое поэтическое евангелие! Как не вспомнить Блока:
Человеческая глупость
Беспредельна, бесконечна,
Величаво...

Ибо найдутся люди, которые будут всерьез обсуждать рецепты Маяковского и набивать этой беззастенчивой продажной ерундой «сарай своих черепов».

3.10.1926

В «ВОЛЕ РОССИИ» довольно любопытна корреспонденция из Москвы «Московская мозаика», выразительно подписанная «Невидимцев».

Невидимцев рассказывает об «есенинских» настроениях среди молодежи, об эпидемии самоубийств, о донжуанских похождениях Луначарского, о пьесе «Мандат», идущей с огромным успехом в театре Мейерхольда...

«Мандат» — сатира на лежкомуннистов, на «приспособившихся». Мейерхольд вставил в текст пьесы множество реплик, вызывающих огульный хохот и аплодисменты... Невидимцев уверяет даже, что «публика неистовствует от восторга и валом валит. И какая публика — и советская, и несветская!» Герой пьесы — молодой лавочник Павел Гулячкин, «заделавшийся партийным».

Вот несколько его изречений:
«Во-первых, мамаша, большевики спасти Россию не позволяют».

«Да я с самим Третьим Интернационалом на ты разговаривал!»

«Я, товарищи, никого не испугаюсь, позовите сюда всех царей, английских, немецких, американско-

Какими глазами смотрело русское зарубежье на советскую литературу? Есть множество статей и рецензий у ведущих критиков эмиграции — самых разноречивых, от безоговорочного приятия до отрицания самой возможности написать что-либо подлинное в СССР, — по которым можно воссоздать этот взгляд «с того берега» в его целостности. Но были и другие отклики — коротенькие, мгновенные реакции на то или иное произведение или событие литературной жизни. Одни из самых интересных — «Отклики» Сизифа (Г. Адамовича). Это «острые факты» или забавные (иногда — грустные) события, случаи, ситуации, цитаты, сжатые до размеров анекдота. Жизнь советской литературы (и культуры вообще) — была лишь одной из тем Сизифа-Адамовича (наряду с культурной жизнью Парижа, Франции, Европы), и поначалу — весьма скромной. К 30-м гг. эта тема становится преобладающей, позже от «Откликов» отпочкуется отдельная рубрика «Литература в СССР».

Периодичность «Откликов» позволяет восстановить своего рода «хронику культурной жизни» Советов. Настоящая публикация избранных страниц этого «дневника анекдотов» захватывает период работы Сизифа в еженедельнике (с середины 1927 г. — еженесячнике) «Звено». С конца ноября 1927-го Сизиф перемещается в газету «Последние новости» и ведет свой «дневник» до самой войны.

Сергей ФЕДЯКИН

го, итальянского, я, товарищи, расстоянием не стесняюсь...»

«А какой бы у меня, мамаша, памятник вышел. Приедут какие-нибудь иностранцы в Москву, где, говорят, у вас самое лучшее украшение в городе. Вот, говорят, самое лучшее украшение в городе. Эта шшто же, скажут? Уж не Петр ли ета Великий? Нет, скажут, подымай выше, ета Павел Сергеевич Гулячкин».

«Я требую, чтобы все меня в доме боялись и чтобы с сегодняшнего дня у нас пища была исключительно пролетарского происхождения, и никаких Копенгагенов!»

Невидимцев объясняет успех «Мандата» тем, что Москва задыхается от скуки и однообразия. «Как только в каком-нибудь театре появится что-нибудь остроумное и для режима скуки язвительное, от посетителей отбоя нет».

Г ОДА ДВА НАЗАД, в один из своих приездов в Париж, Маяковский ходил не то для знакомства, не то на поклон ко всем прославленным парижским мэтрам — художникам и поэтам... Был он тогда и у Пикассо. Вернувшись в Москву, он написал в «Правде» несколько огромных фельетонов. О Париже в них говорилось меньше, чем о том, как он, Маяковский, озадачил Жана Октю, что он, Маяковский, возразил Пикассо, и т. д. Судя по этим фельетонам, казалось, что все в Париже были Маяковским ослеплены, восхищены, а главное, слегка испуганы...

Один из посещенных Маяковским «мэтров» вскоре после его отъезда спрашивал, с недоумением разводя руками: «Неужели это знаменитый русский поэт? Mais c'est un poutrison... c'est un poutrison!»

9.1.1927

ЕСТЬ ТАКОЙ советский поэт Иван Доронин. Читать я его не читал, но имя часто попадалось на глаза и запомнилось. Запомнилась и фраза из какой-то статьи: «Напрасно тов. Х. так много пишет об Ахматовой и Доронине. Не такие уж это крупные величины в нашей литературе».

Это соединение «Ахматова и Доронин» звучало довольно комически. Прочтя статью А. Осенева в «На посту», я наконец узнал Доронина. А. Осенев этим поэтом увлечен. Он заявляет: «Доронин горячо отзывался

на смерть великого вождя:

Был Ильич — не стало Ильича.
Смычки гения не стало.

В этих строках все — ценное в Доронине».

Не правда ли, читатель, если все ценное в Доронине заключено в этих двух содержательных и глубокомысленных строках, — это несомненно великий поэт?

16.1.1927

В РОССИИ народилась новая поэтическая школа — «люменисты». «Мы берем в своей поэзии свет, как источник жизни», — уверяют люменисты в своем манифесте.

Вот образчик их «светлой» или «светящейся» поэзии:

Норд-ост кружит каруселью,
Скиглит в снастях, как альбатрос...

23.1.1927

АРТЕМ ВЕСЕЛЫЙ печатает в московских сборниках «Недра» свой новый роман «Россия кровью умытая». Подзаголовок: «Роман на два крыла». И делится этот крылатый роман не на главы, а на «залпы»: залп первый, залп второй и т. д. Редакция сборников, по-видимому, была этим новшеством смущена. Но исправит Артем Веселого не посмела и ограничилась скромным примечанием: «По поводу деления романа на крылья и залпы, редакция выражает свое несогласие с автором, считая замену этими заголовками принятых в литературе частей и глав необоснованной».

6.2.1927

АРЦЫБАШЕВ в «За Свободу» обрушивается на Пильняка, который, испутившись контрреволюционности своей повести «О непогашенной луне», публично поклялся в том, что «допустил крупнейшие ошибки», написал «злостную клевету» и прочее — одним словом, «сам себя высек».

История это довольно старая. Пильняк описал смерть «командарма» Фрунзе не так, как следовало и как надобно. Его стали усиленно травить. Он спохватился и принялся бить себя со слезами в грудь.

Арцыбашев называет Пильняка «проституткой и даже хуже», вспоминая, что когда-то в каком-то деректе о праве на «жилплощадь» лиц свободных профессий было сказано: «врачи, акушеры, артисты, художники, писатели и проститутки».

20.3.1927

В «НОВОМ МИРЕ» Вяч. Полонский, рассуждая о Бабеле, замечает: «Человек — это стиль», как любил говорить Плеханов. Если память нам не изменяет, задолго до Плеханова еще некто Бюффон «любил говорить»: «Le style c'est l'homme».

24.3.1927

ИНОГДА приходится читать в советской поэзии поразительные признания. Есть, например, такой поэт Александр Жаров — довольно популярный теперь в России. Начал он недавно «Стихи от бессонницы». В этом стихотворении он восклицает:

Какой я остопоп!
Так просто в этом мире,
Так ясно все! А я не мог понять,
Что дважды два всегда дадут

четыре,
А пятью пять, конечно, двадцать пять.

Интересно бы знать, прозрел ли товарищ Жаров по отношению ко всей таблице умножения или дальше 2х2 и 5х5 не пошел?

КОГДА в России хоронили Есенина, его гроб три раза обнесли вокруг памятника Пушкину. Этот жест вызвал умиление и восторг во многих чувствительных душах. Луначарский в одной из советских газет, Эренбург на одном из парижских собраний — оба выразились в том смысле, что жест этот имеет «глубоко символическое» значение.

Теперь в «На посту» раздастся окрик: не глубокая символика, а просто чепуха. «Напостовцы» вообще крайне недовольны непомерным развитием «есенинщины».

«В пафосе интеллигентского сюсюкания и слезливости критика насильювала читателя Есениным. Каждый поэт счел долгом пролить свою слезу с наибольшим вывертом. «Вся природа плакала, кое-что в ней даже остановилось», если верить стихотворным корреспонденциям-излияниям журналистов. Такой расслабляющей кашей кормили читателя.

Будущим историком будет отмечен факт нелепого и архибывательского таинства. Есенина три раза обносят вокруг памятника Пушкину...»

1.5.1927

ЕСТЬ ПРИЧЕСКА «la garçon», «la Ninon», «бобриком», «ежиком»,

«под скобку» — много и других, всех не перечтешь.

Но в России причесываются теперь по-новому. В одной из недавно вышедших в свет русских повестей читаем:

«Оделась я, — туфельки шелковые обула, волосы по-марксистки зачесала — и пошла в клуб...»

Какая такая эта «марксистская» прическа, нам неизвестно. И неизвестно, по Каутскому или по Ленину выдержана ее «идеология», нет ли в ней ревизионизма, троцкизма или каких-либо других опасных уклонов... 15.5.1927

ЛЮБИТЕЛИ юмористики должны ценить «Красную новь» за отдел рецензий. Никогда их ожидание не будет обмануто. Не у Пакентрейгера (который, впрочем, вне конкурса), так у Юргина, не у Жица, так у Анны Шафир найдется всегда такой перл, что и предвидеть невозможно. Например: «М. Слонимский связывает мотивы своего повествования парами, как левая рука связана с левой — соотносительно».

«Борис сел за стол. Против него сидел человек в солдатской одежде, один из членов Учредительного Соборания. Этот кандидат положил в рот кусок мяса, пожевал и выплюнул...» «Можно отдельно быть кандидатом и отдельно плеваться. Но вместе — это уже искусство».

19.6.1927

МАРИЭТТА Шагинян, как известно, — писательница, чрезвычайно «созвучная эпохе», крайне усердная и верная революционная «попутица». Она сама недавно объяснила («Новый быт и искусство»), почему это с ней произошло. Во-первых: «Надо стремиться честно понять современность и идти с ней в ногу...»

Во-вторых: «...Я не понимаю, как можно не хотеть узнать лицо человека, который спит рядом». Желание законное и естественное — слов нет. Но с каких это пор Маризетта Шагинян не только шагает в ногу с Революцией, но и спит с ней?

1.8.1927

НЕКИЙ г. Хлябчев издал в Москве книгу о «массовом читателе» и в книге своей сообщает про многие открытия, из которых самое поразительное — следующее: «Демьян Бедный оценивается массами выше, чем Лев Толстой —».

Кремлевский Пиндар, вероятно, чрезвычайно был обрадован этой новостью. Но «Печать и революция» возмущалась.

«Книжные полки искусственно заполняются книжками Демьяна», и вообще: «оценочный момент тут приведен ни к селу, ни к городу».

Замечание резонное: было время, когда стихи и басни Демьяна Бедного «распределяли» по картонным талонам, заодно с крупной и сахарным песком, на каждого едока по брошюре. Где же тут угадаться Толстому.

1.10.1927

МОСКОВСКАЯ театральная деятельствует за обновление театра. Особым видом обновленного театра является живая газета. Госпожа Немировская дает в одном из советских журналов подробное наставление, как эту газету вести.

«Живая газета, несмотря на преследуемые ею агитационные цели, должна быть развлечением, дать от-

дых. Наибольший отдых дает смех. И живая газета стремится к комизму.

Даже касаясь тяжелых моментов быта, например, изображая разрушающее влияние алкоголя, сцены в кабаке или убийство рабочим своей жены, живая газета переносит этот трагический момент в план легкого жанра плясками и пением, перебивающими текст...»

Если «наибольший отдых дает смех», то, надеюсь, наши читатели будут нам благодарны за эту цитату: они отдохнут.

ИЛЬЯ САДОВЬЕВ, один из законодателей пролетарской поэзии, выпустил новый том стихов «Звонкая кровь». Вот как «Жизнь искусства» характеризует его книгу: «Лирическая кровь полещется в жилах поэта-пролетария, который не в силах, а порой и не хочет сбросить атактические тяготы плоти, хотя груз этот несовместим с маршрутом поэта через жарким восстанием расторгнутый круг полярного бесплодия».

Неясно? Прочтем несколько строк дальше — там рецензент становится вразумительнее: «Рсальная и горькая тоска Садовьева переходит в досаду матерого развратника на уходящие силы...» Формалисты считают, кажется, одним из главных литературных приемов прием «установки точки над и». Более яркого примера «разъяснения неясного» им не найти.

24.11.1927

В СОВЕТСКОМ журнальчике «Тридцать дней» некто Фаррегер проповедует необходимость создания новых истинно пролетарских мод. «Советское искусство во всем побеждает! — восклицает Фаррегер.

— Почему же в области моды мы плетемся в хвосте Парижа? Впрочем, некоторые достижения уже имеются. Например, стриженные волосы. «Несомненно, стриженные волосы парижских модниц были навеяны нашей сыпнотифозной стрижкой».

И да здравствует это завоевание! революция, ибо «женщина, носящая длинные волосы, тем самым подчеркивает, что она раба своего мужа». Кроме стриженных волос, Фаррегер «восторженно приветствует» и отсутствие чулок. «Право, — поясняет он, — кожа — это самый красивый и недорогой чулок».

1.12.1927

СОВЕТСКИЙ поэт Пав. Курченков выпустил в Москве книгу стихов «Псалмы стали». Мы долго думали над этим причудливым названием и никак не могли понять, что оно означает: стальные ли псалмы, или просто псалмы, которые остановились? Предоставим читателям решить самим этот сложный вопрос.

В псалмах своих Курченков проносит гибель европейской «империалистической» культуры и торжество культуры пролетариата. В частности, Курченков уверен, что скоро придет конец западной поэзии:

И вот расцвет туманы,
И в прах падет прогнивший храм,
И европейские Демьяны
Придут на смену Бодлерам.

Какие радостные перспективы! И какая находчивость в ударениях и рифмах, срифмовать «храм» с «Бодлером». Не знаем только, как надо сказать в родительном падеже: Бодлеров... или, может быть, Бодлерей?